

Едва достойный называться планетой обречённый мир висел на окраине пояса Койпера у самой дальней границы звёздной системы Арктур Ультра. Большая часть этой области космоса состояла из замороженных летучих веществ – дрейфующих скоплений льда, аммиака и метана – медленно превращавшихся в пар из-за тепловых предсмертных выделений быстро расширяющейся короны недавно названной звезды. Облако Оорта почти исчезло, позволив кораблям Котова приблизиться к системе не опасаясь получить повреждения от обломков, рассеявшихся, словно астрономический мусор на границе Арктур Ультра.

Умиращую планету называли Катен Вения, и жить ей оставалось в лучшем случае несколько месяцев. Её скоро уничтожит сама звезда, некогда вскормившая неизвестное количество пригодных для жизни миров в узком астрономическом регионе, который называли по имени белобрысого вора из древнего мифа.

Благодаря расширяющейся тепловой короне ближайшие к звезде планеты уже превратились в металлический пар, и осталась только Катен Вения. Почти все её внешние слои замороженного азота испарились в космос, обнажив поверхность – покрытую каменными и ледяными кратерами, геометрически красивыми устремлёнными в небеса кристаллами, глубокими каньонами посреди ледников и закутанной пустынной тундрой, – которую разрывали мощные гравитационные толчки хаотической орбиты.

Любой непредвзятый звёздный картограф сочтёт Катен Вения ничем не примечательным миром, голой скалой, лишённой любых достойных внимания объектов. Только изучение её гибели могло представлять хоть какой-то интерес для большинства магосов. И всё же при всей своей очевидной бесполезности на Катен Вения находилось нечто, что сделало её бесценной.

Сюда направился благословлённый Машиной Телок, весь исследовательский флот которого пропал без вести. Многочисленные легенды Марса рассказывали о его безрассудном поиске неизвестного, и что он нашёл древнее технологическое чудо, известное как Дыханье Богов. Каждый рассказ по-своему описывал одержимость Телока, но все сходились в том, что путешествие закончилось неудачно.

Но недавно обнаруженная реликвия обречённой экспедиции представила обнадеживающие намёки, что Пропавший магос и в самом деле что-то нашёл в неизведанных пределах вдали от света знакомых звёзд: маяк спасательной капсулы стал доказательством, что планета, недавно получившая имя Катен Вения, являлась местом погребения “Томиоки”, флагмана Телока.

Вот что привело огромный исследовательский флот Адептус Механикус, который не видели тысячи лет, за границы Млечного Пути на орбиту над северным полюсом планеты.

Сердцем этого флота являлся корабль, который без преувеличения можно было назвать уникальным. Могучий межзвёздный колосс. Реликвия эпохи, когда тайны технологии не скрывались за пеленой невежества, жестокие муки рождения которой разрушили планету. Его невероятный размер воплощал в себе результат труда людей, осмелившихся создавать величайшие творения, которые только возможно представить.

Корабль назывался “Сперанца” – он был ковчегом Механикус, флагманом архимагоса Лекселя Котова.

В отличие от линкоров, заложенных на укреплённых верфях Империи, ковчег Механикус не вызывал ни малейших мыслей о военной эстетике, как и не был украшен накопленными за века статуями и орнаментами, прославляющими давно умерших святых или героев. Этот корабль никто и никогда не назвал бы красивым, даже его создатели, потому что в нём не было ни симметрии, ни плавных обводов, ни даже большой прямой оси, которая вызывала бы ложные представления об аэродинамике.

“Сперанца” была судном навсегда связанным с космосом, и только расположение защитных генераторов огромных плазменных двигателей позволяло стороннему наблюдателю понять, где находится нос, а где корма. Её внешний корпус представлял собой запутанную компоновку воздухопроводов, обнажённой скелетной надстройки и защищённых от излучения отсеков экипажа. Невзрачные надстройки и выпуклая нижняя часть выглядели поперечными плато, переполненными геометрически разросшейся необузданной промышленностью. Очистительные заводы, обогатительные фабрики, генетические хранилища, испытательные базы, мануфактуры, лаборатории, электрогенераторы и сборочные кузницы хаотично цеплялись за борта, не отвечая даже базовым представлениям о дизайне, за исключением необходимости и практичности. “Сперанца” была судном исследования и изучения, галактическим мореплавателем, единственная задача которого заключалась участвовать в поиске знания Котова.

Хотя большую часть невообразимой массы ковчега занимали механизмы и сооружения он не был беззубым. Повсюду виднелись обычные орудия и простое космическое оружие, но в отчаянных обстоятельствах проявились намного более смертоносные военные технологий, спрятанные внутри тёмных отсеков, о которых давно все забыли кроме самого судна.

Корабль представлял собой не что иное, как мир-кузницу, вырезанную с поверхности родившей его в предсмертных муках планеты, огромные пространства кафедральных соборов и технологии и являлся самой квинтэссенцией преданного служения Культа Механикус Омниссии. В центре “Сперанцы” находился электродвижущий дух, возникший из гештальт-соединения триллиона машин и намного ужасающе сложного гибрида интеллекта и инстинкта, близкого к божественному.

Как у любого воплощения божества у него были последователи.

“Сперанцу” окружала флотилия вспомогательных судов: заправщики, военные корабли, пехотные транспорты, барки снабжения и целая армия шаттлов и вместительных тендеров, которые перемещались между ними по строго предписанным транзитным коридорам. “Дитя Луны” и “Дитя Гнева”, отремонтированные крейсера-близнецы типа “Готик” патрулировали фланги “Сперанцы”, а мрачный “Мортис Фосс”, последний уцелевший из трёх кораблей, присланных с Фосс-Прайм, держался над дорсальными мануфактурами ковчега.

“Клинок Чести” пропал во время экстренного выхода из варпа на краю галактики, а “Клинок Фосса” разорвал адский гравитационный шторм кошмарного путешествия сквозь Шрам

Ореола. Но не они стали самыми тяжёлыми потерями флота в рискованной экспедиции за пределы галактической границы.

“Кардинал Борас” – корабль великого наследия, невзирая на варп-бури облетевший всю галактику, погиб в засаде пиратов-эльдар. Сопровождавшие флотилию Адептус Астартес также понесли горестную утрату – те же самые пираты высадились на борту быстрого ударного крейсера Чёрных Храмовников, носившего гордое имя “Адитум”. Хотя размещавшиеся на нём крестоносцы спаслись на “Громовом ястребе” “Барисан”, чтобы продолжить сражаться, их реклюзиарх погиб, а сокрушительные гравитационные волны Шрама Ореола поглотили труп корабля из стали и камня.

Налётчики с величайшим трудом избежали возмездия флота, но у военных кораблей, защищавших “Сперанцу”, не было никаких шансов снова поймать их.

Во флот архимагоса Котова входил ещё один достойный упоминания корабль. Хотя он был в длину почти три километра, “Ренард” выглядел незначительным в сравнении с огромными судами Механикус, зато отличался скоростью и обладал изяществом и балансом, которых не хватало “Сперанце”.

Его капитаном являлся Робавут Сюркуф, а Катен Вениа была миром, которому он подарил имя.

Он станет первым, кто увидит её небеса.

Вот зачем он прилетел так далеко.

– Знаешь для того, кто живёт в космосе, ты из рук вон плохо обращаешься со скафандром, – произнесла Каирн Силквуд, технопровидец “Ренарда”, повторно закрепив зажимы громоздкого украшенного в стиле барокко экзо-доспеха капитана. – Если я позволю тебе выйти в таком виде, то ты умрёшь через тридцать секунд.

Робавут Сюркуф покачал головой. – Я живу на космическом корабле и поэтому не должен носить скафандр, – ответил он, сквозь вокс-решётку шлема голос капитана казался резким и далёким.

Силквуд носила серую армейскую форму и плотно облегающий топик кадианского полка, в котором она раньше служила, широкое тело женщины блестело от масла, смазки и ладана машинных палуб, которые являлись такой же частью форменной одежды технопровидца, как наплечные шевроны или значки званий. Из-за функциональной связующей аугметики её выбритый череп выглядел покрытым грубыми узелками имплантатов, а тактильные подкожные устройства в пальцах и ладонях придавали ей солидности и неплохой правый хук.

Она в последний раз обошла вокруг Робавута, изучив швы и соединительные регуляторы и проверив внутреннюю атмосферу скафандра на громоздком рюкзаке. Удовлетворённая результатом она отстранилась и кивнула сама себе.

- Теперь довольна? – спросил Робаут.

- Если бы не приходилось обращать внимания на твою глупость.

- Переживу, – сказал Робаут, отвернулся и направился к Адаре Сиавашу, который помогал магосу Павельке подготовить гравитационные сани для поверхности. Они представляли собой немногим больше, чем тяжёлый прямоугольный кусок металла с кабиной экипажа и репульсорным генератором и являлись механической рабочей лошадкой “Ренарда”. Двигатель был рассчитан перевозить грузы до шестидесяти тонн и объёмом до ста кубических метров, хотя прошло много времени с тех пор, как они несли что-то настолько большое. Сани парили на подушке искривлённого воздуха, от которой зубы Робаута заныли даже несмотря на защиту космического скафандра.

Павелька была в обычной мантии Механикус с капюшоном, скрывавшей большую часть аугметики. Хотя Робаут понятия не имел о полном объёме модификаций Иланны, он подозревал, что она значительно уступает в этом большинству жрецов Марса на борту “Сперанцы”. Несколько силовых кабелей протянулись от искрящего блока питания на её спине, и четыре сложенных гармошкой трубы расширялись и сокращались, как меха, питая энергией аккумуляторы.

- Она готова? – спросил он, хлопнув рукой в перчатке по помятым пластинам грав-саней.

Павелька вздрогнула от удара и ответила:

- Предостережение: мне стоит напомнить вам, капитан, что приписывать пол машинам – бесполезный антропоморфизм? Машины не нуждаются в обозначениях плоти.

- Не могу поверить в это, – сказал Адара, подмигнув капитану сквозь полированную лицевую панель скафандра. – Ясно же видно, что перед нами роскошная женщина. Поверь, я разбираюсь в слабом поле.

Силквуд усмехнулась и провела металлической ладонью по гудящему фюзеляжу, словно по спине любовника.

- Должна сказать, что согласна с парнем, – заметила она. – Не в том, что он разбирается в женщинах. Поверь, он не отличит один интерфейсный порт от другого. Но она надёжная машина, это точно. Она крепкая и не подведёт в нужный момент. Похожа на меня.

Адара отвернулся, скрывая смущение, а Павелька покачала головой:

- Чего ещё ожидать от технопровидца? – сказала она, отсоединяя кабели от саней.

Силквуд усмехнулась и ответила:

- Тяжёлую работу, ругательства и похмелье, которое покалечит орка.

Робаут поставил ногу на ступеньку металлической лестницы, свисавшей из кабины саней, и неловко поднялся на место пилота. Силквуд забралась за ним и изучила проверочные таблицы с дотошностью управляющей общежития Сороритас, проверяющей все ли послушницы в постелях.

Силквуд была кадианкой, и дотошность являлась её девизом.

- Эй, а почему ты не проверила зажимы и швы моего скафандра? - спросил Адара, поднявшись на сани с противоположной стороны.

Силквуд ответила даже не взглянув на него:

- Потому что ты не капитан и меня мало заботит твоя взрывная разгерметизация в токсичной среде.

- Тогда тебе придётся очищать скафандр от мочи и крови, - произнёс Робаут, внося последние корректировки в топограф саней.

- Сколько на то, что Адара пропустил зажим? - спросила Силквуд, оглянувшись на Павельку.

- Ты говоришь, как господин Надер, - ответила магос.

- Мы оставили его на "Ренарде", - сказала Силквуд. - Кто-то должен играть роль надоедливого идиота.

- В любом случае здесь не о чем спорить, - продолжила Павелька. - Судя по атмосферным показателям, господин Сиаваш запечатал скафандр в пределах допустимых параметров.

- Рад слышать это, - отозвался Адара.

Юноша опустил в ковшеобразное сидение и застегнул ремни. Робаут вздохнул, заметив неизменный нож-бабочку в одном из набедренных карманов рядом с лазерным пистолетом в кобуре.

- Скажи мне, что не настолько глуп, чтобы носить открытый нож в скафандре, - сказал он.

По крайней мере, Адаре хватило ума выглядеть виноватым, когда он вытащил нож и положил в ящичек на внутренней стороне двери.

- Да, извини. Я никуда не хожу без него и порой забываю, что он со мной.

Рядом с ним появилась магос Павелька, заполняя встроенные в дверь аварийные кислородные баллоны. Извивающийся механодендрит поднялся над её плечом и открыл ящичек, прежде чем вторая сочленённая бронзовая конечность с вращающимися кронциркулями убрала злосчастный нож.

- Да ладно, - произнёс Адара. - А там то он кому может повредить?

- Разъяснение: статистически вероятно, что ты достанешь и возьмёшь его с собой, как только покинешь корпус этого судна, - пояснила Павелька, и даже несмотря на то, что большая часть её лица состояла из светло-кремовой искусственной кожи и аугметических улучшений, Робаут заметил вспышку веселья в щёлкающей оптике. - Как сказала бы технопровидец Силквуд "Ты уже привлекался" и не заслуживаешь доверия.

- Ты глубоко ранишь меня, - сказал Адара.

- Ты сам ранишь себя, - сказал Робаут, - и там это станет смертным приговором. Так, Иланна?

- Бесспорно, - ответила магос. - Атмосфера планеты представляет собой гремучую смесь замороженного азота, которая выделяется из ледников, как в газообразной, так в жидкой форме, аммиака и летучих тяжёлых частиц металла. Перепады температуры непредсказуемо меняются в сверхскоростном атмосферном выбросе, вызывая области повышенного давления и вихри, которые доставили бы вашему телу множество неприятностей без скафандра.

- Я не понял почти ничего, но уловил суть, - сказал Адара.

- Хорошо, теперь, после того как ты напугала нас обоих до полусмерти, сколько времени потребуется достигнуть поверхности планеты на привязи Механикус? - спросил Робаут, пытаясь скрыть нотки беспокойства из-за полёта грузового челнока "Ренарда". - Я хочу оказаться там и увидеть на что похож мир за пределами галактики.

Павелька наклонила голову, молча общаясь с диспетчерами Механикус на планете благодаря имплантатам в черепе. Аугметированный мозг Робаута мог замечать невидимые нити ноосферных данных, но только взаимодействуя с позвоночной системой связи. Сани не обладали такой системой, но в любом случае он не смог бы подсоединиться к ней из-за скафандра.

- Приблизительно десять минут, - ответила магос. - Стратосферные помехи и внезапные штормы магнитных полей вводят хаотические переменные в расчётное время прибытия.

Силквуд спрыгнула с подножек челнока и крикнула. - Очистить палубу! - хотя на огромной посадочной площадке грузового шаттла и так было пусто. Несколько групп сервиторов,

которые принадлежали Робауту, отслеживали автоматический курс саней или находились на “Ренарде”, ремонтируя повреждения после путешествия сквозь Шрам Ореола. Силквуд направилась по служебной лестнице к верхнему трапу, а Павелька тем временем поднялась в грав-сани и села позади Адары, просматривая что-то в инфопланшете на коленях.

Робаут неуклюже повернулся и спросил:

- Все на борту?

- Заявление: да, - ответила Павелька, выдвинув механизированный ауспик из нагрудного отделения.

- Тебе не обязательно лететь с нами, - сказал Робаут. - Я знаю, ты не любишь покидать “Ренард”.

Павелька покачала головой:

- Я изменила схему катушки маяка бедствия “Томиоки”. Я могу следовать её телеметрии лучше, чем кто-либо другой. Кроме того, если сани сломаются, то вам потребуюсь я, чтобы починить их.

- Рад слышать, - ответил Робаут, довольный, что Павелька отправится с ними.

- Разве вам не нужен скафандр? - спросил Адара.

Павелька покачала головой:

- Я изменила протоколы фильтрации лёгких, чтобы исключить токсичные элементы атмосферы, а сейчас изменяю биохимию, для нейтрализации негативных эффектов враждебных воздействий. В моём теле мало органической массы, которой требуется кислород, и я могу сохранить достаточный запас внутри механических частей.

- Рад слышать, - произнёс Адара, подражая Робауту.

Робаут взглянул на верхние подмостки грузового отсека, и увидел, что Силквуд открывает одну из герметичных дверей. Она быстро отдала ему честь, но ничего не сказала, захлопнув за собой тяжёлый люк.

Очевидно, Каирн Силквуд не считала необходимым отмечать этот момент какими-то важными словами.

Но Робаут знал, что этот конкретный момент был особенным.

Они трое скоро направят сани на поверхность чужого мира, который лежал за границами Млечного Пути, мира неподчинённого Империи. Мира, на который, скорее всего, до появления флота Телока тысячи лет назад, не ступала нога человека. Вот почему Робаут зашёл так далеко и рисковал столь многим, он хотел увидеть чужие небеса и коснуться земли планеты столь далёкой от понимания Империи.

На панели из орехового дерева и меди замигала изумрудная лампочка входящего сообщения и Робаут переключил выключатель из слоновой кости на “приём”. Из решётки спикера раздался голос главы экспедиции, архимагоса Лекселя Котова.

– Господин Сюркуф, – произнёс Котов. – Вы собираетесь присоединиться к нам на борту “Табулария”?

Робаут усмехнулся, услышав слабое волнение в голосе архимагоса. Хотя Котов являлся главой экспедиционного флота, это Робаут нашёл маяк локатора, который привёл их так далеко.

– Думаю, мы направимся собственным путём к “Томиоке”, – ответил он. – Но спасибо за приглашение, очень мило с вашей стороны.

– Ваша привязь допускает значительную погрешность во времени прибытия, – заметил Телок Котов.

– Согласен, но магос Павелька считает, что мы приземлимся приблизительно через десять минут.

– Как неточно. Конец связи, – ответил архимагос.

Из всех многочисленных способов путешествия в битву брату-сержанту Танне больше остальных нравилось стремительное и яростное десантирование на “Громовом ястребе”. Ничто не радовало его сердце сильнее неистового давления воющих двигателей, тряски во время противозенитных манёвров и внезапного резкого торможения, когда пилот выравнивал крылья и бросался в горнило боя. Высадка в “Носороге” или “Лэндрейдере” не шла ни в какое сравнение, и Танна не знал ни одного технадесантника, который поспорил бы с этим.

Да, десантирование на “Громовом ястребе” и только.

Даже если эта конкретная высадка – пока – контролировалась электромагнитной привязью Механикус.

В отсеке экипажа “Барисана” было холодно, как в морозильнике, и капельки тумана паров конденсата медленно украшали бисером изогнутые пластины иссиня-чёрного доспеха Танны.

Блестящий чёрный крест мерцал на одном из белых, как слоновая кость наплечников, а вырезанный из того же материала орёл гордо сиял на другом. В центре груди орла виднелся рельефный красный череп, в глазах которого блестели осколки яркого гранатового цвета. Влажные полосы покрывали угловатый шлем, словно слёзы, но Танна не плакал больше двухсот лет.

Один раз в импровизированной оружейной на борту “Сперанцы” он был близок к этому.

“Громовой ястреб” покачнулся, когда его швырнул в сторону неуправляемый вихрь поднимавшихся с планеты газов. Атмосферные помехи Катен Вениа становились всё беспокойнее и токсичнее: соединением недопустимо высоких уровней азота и парообразных металлов, крайне смертельным для смертных. Пост-человеческая физиология Танны могла выдерживать враждебные условия, но даже ей придётся работать в полную силу, чтобы выжить на Катен Вениа больше нескольких часов.

“Барисан” не совершал штурмовое пикирование, но полёт почти не отличался от боевого и сопровождался такой тряской, с которой Танна ещё не сталкивался. Корпус десантно-штурмового корабля изготовили на кузне-комплексе горы Тиррения Марса, и на нём стояла печать самого генерал-фабрикатора. Дух-машина “Барисана” обладал горячим норовом, он был и необъезженным жеребцом и раненым гроксом – объединяя агрессию и дикость. Такие качества хорошо послужили батальной роте в крестовых походах, но “Громовой ястреб” ещё горевал по прошлому кораблю-носителю, и тяжело привыкал к новому дому на борту “Сперанцы”.

Как и остальные из нас, подумал Танна, бросив быстрый взгляд вдоль фюзеляжа.

“Громовой ястреб” предназначался для доставки трёх кодексных отделений в центр битвы, но большинство сидений “Барисана” пустовали. Только шесть из тридцати мест были заняты. Танна сидел на командирской скамейке рядом со штурмовой рампой, он надел шлем, а болтер на цепи жёстко прикрепил к бедру.

Брат Яэль сидел через два места от него, крепко прижимая болтер к груди. Самый молодой из них, Яэль совсем недавно вступил в ряды батальной роты и Хелбрехт лично выбрал его для участия в крестовом походе Шрама. Бой молодого воина на тренировочной палубе “Сперанцы” против магоса Дахана был из тех, которые Танна никогда не забудет. Не в последнюю очередь потому что секутор Механикус признал поражение.

Фигура аптекаря Ауйдена в броне цвета слоновой кости маячила белым пятном в темноте, он посмотрел на Танну и мрачно кивнул, вставляя капсулы с бронзовыми кольцами в нартециум. Это не было боевое десантирование, но Ауиден считал, что направляясь на неизвестную планету лучше подготовиться к худшему, чем попасть врасплох.

Пессимистичный прогноз, но его ещё предстоит опровергнуть в их злополучном походе.

Мрачный Браха сидел, опустив голову и сложив руки, словно в молитве. Первый на поле боя и

последний в отступлении, смерть Кул Гилада поразила его сильнее их всех. Он знал реклюзиарха дольше остальных и участвовал с ним в шести успешных крестовых походах. Многие считали, что он последует примеру Кул Гилада и примет розарий.

Одна рука Брахи была из плоти и крови, а другая из хромированной стали. На манифольдной станции "Валетте" облачённый в плоть киборк отрубил ему руку, но он принял потерю без жалоб. Жизнь космического десантника представляла собой одно сплошное насилие и ни один Чёрный Храмовник не ожидал закончить свои дни не получив какую-нибудь ужасную рану. Магос Дахан изготовил для него замену, боевую руку скитариев с вмонтированным в предплечье плазмаганом.

Дальше за Брахой сидел Иссур Мечник, поглаживая багровые ножны силового меча, как он всегда поступал, оказываясь пристёгнутым внутри десантно-штурмового корабля. Текстура ножен напоминала повторяющиеся цепи крестоносца, и Танна заметил, как голова Исура дёрнулась, а пальцы резко стиснули меч. Иссур раздражённо сжал кулак и откинул голову назад, ударив шлемом по корпусу "Громого ястреба".

Как и Браха Иссур получил ранение в бою с киборками, его тело испытало сильный шок, а он сам едва не погиб от электромагнитного разряда. Мечнику повезло остаться в живых, но он вырвался из лап смерти с повреждёнными синапсами и нервной системой, которая могла подвести в любой момент. Его карьера дуэлянта подошла к концу, и Танна не мог не заметить завистливые взгляды, брошенные Иссуром в сторону Аттика Варды.

Чемпион Императора сидел неподвижно, положив чёрный меч на колени. Оружие оставалось в ножнах из небьющихся марсианских сплавов, виднелись только обёрнутая кожей рукоять и навершие в форме креста крестоносца. Клинок был полуночной бритвой, украшенной изящным готическим шрифтом.

Иссур не сомневался, что должен владеть чёрным мечом, потому что лучше братьев обращался с клинком. Но Храмовник призывался на службу чемпионом Императора не из-за простого умения сражаться, и военные видения пришли не к нему. Повелитель Человечества избрал Аттика Варду Своим чемпионом и ни один Чёрный Храмовник не помыслит о том, чтобы оспорить Его волю.

Варда сидел напротив Танны, он был облачён в доспехи цвета тёмной ночи, выкованные вручную в кузницах "Вечного Крестоносца" технодесантником Лексне и армией трэллов почти три тысячи лет назад. Очертания брони выполнили в форме идеального телосложения, на нагруднике гордо сиял золотой орёл. Символ ордена создали из перламутрового камня, добытого на тёмной стороне Луны. Даже просто находиться рядом с ней было честью.

За века службы Танна видел много великолепных доспехов, но не встречал произведения искусства прекрасней, чем это. Элий носил её хорошо, но на Варде она сидела, как вторая кожа.

Чемпион Императора являлся сердцем крестового похода и Варда был сломлен смертью Кул

Гилада, храброго воина, принявшего смерть без братьев рядом. Он поднял голову, почувствовав взгляд Танны, и красные, как тлеющие угольки, линзы их шлемов встретились между сильно дрожащим корпусом.

- О чём думаешь, Танна? - спросил Варда.

Слова прозвучали по закрытой частоте, никто из братьев не слышал их разговор.

- Чемпион укрепляет наши души, - ответил сержант. - Так говорил Кул Гилад.

- Повторяя его слова ты не станешь им, - произнёс Варда, крепко сжав чёрный меч.

- Не стану, - согласился Танна. - Но я и не собираюсь становиться им.

- Тогда зачем говоришь как он?

- Чтобы показать, что я тоже скорблю по нему.

- Недостаточно, - резко прошептал Варда. - Его кровь на твоих руках.

Танна поддался гневу. - Если бы мы пошли к нему, то все погибли бы.

- Лучше пасть в битве, чем бежать от неё.

- Кул Гилад приказал покинуть корабль. Ты слышал его. Все мы слышали его.

- Мы должны были сражаться рядом с нашим реклюзиархом.

Танна кивнул. - Да, и мы погибли бы во славе.

Варда сжал кулак на ножнах чёрного меча. - Тогда почему ты не отдал приказ?

- Потому что я следовал последнему приказу реклюзиарха, - резко ответил Танна, подняв правую руку, показывая металлические цепи, соединяющие болтер с запястьем. - Наша структура командования существует не просто так, Варда, и в момент, когда мы начнём привередливо выбирать, каким приказам повиноваться, мы также можем сорвать символ ордена с наплечников и отправиться в Мальстрём. Мы - Чёрные Храмовники и мы охотно связываем себя цепями долга, чести и смерти. Ты - чемпион Императора, Варда. И ты знаешь это лучше, чем кто-либо.

Варда опустил голову и Танна видел, что огонь его гнева померк. Сержант понимал, что на самом деле не гнев подпитывал слова чемпиона, а вина.

Вина, которую разделяли они все, была она заслужена или нет.

Танна услышал искренний усталый вздох Варды по воксу. – Я знаю, что ты прав, Танна, но Кул Гилад помазал меня, – сказал он, посмотрев на сержанта. – И ты навсегда останешься тем, кто не дал мне умереть рядом с ним.

– Я тот, кто сохранил тебе жизнь, – ответил Танна.

Пять часов назад участок поверхности, выбранный для посадочных площадок Механикус, представлял собой всего лишь относительно плоское плато отступающего ледникового льда и десяток медленно испаряющихся озёр редких смертоносных химикатов. После того как “Сперанца” встала на высокий якорь выпустили множество управляемых сервиторами дронов, передававших трёхмерные пикты глобальной топографии, а орбитальные ауспики глубокого зондирования над северным полушарием Катен Вениа позволили архимагосу Котову выбрать именно это место для высадки.

Характерная однородность основных коренных пород плато и его относительная геологическая стабильность хорошо подходили для терраформирования геоформирующими машинами фабрикатуса Тарентека. Три колоссальных судна отделились от нижней части “Сперанцы”, падая, словно обломки после катастрофических повреждений. Каждое представляло собой десятикилометровую квадратную плиту с почти непостижимым оборудованием: огромными заводами по переработке атмосферы, мелтами промышленного масштаба и загадочными технологиями геологической манипуляции. Когда геоформирующие машины, напоминавшие сброшенные из космоса готические мануфактуры, вошли в атмосферу, их тепло-экранированные нижние участки раскалились до вишнёво-красного цвета, минуя неистовые штормы улетающих газов.

Они остановились в ста метрах над землёй и радиолокационные картографические ауспики приступили к сканированию поверхности. Системы маневрирования произвели корректирующие выбросы, одновременно раздалась канонада установленных в нижней части корпуса вращающихся оружейных комплексов, способных расколоть поверхность планеты. Пока открывались широкие круговые двери мелта-печей, меткие выстрелы оглушительными залпами разбили лёд на куски приемлемого размера.

От нестерпимого жара появилась слегка колеблющаяся дымка, напоминая дыхание мифических драконов, и невероятно яркий свет вырвался из мелт, залив плато огнём с фиолетовыми языками пламени. Ураганы перегретого пара визжали и шипели, пока поверхностный лёд испарялся или вытекал по дренажным каналам, взорванным меняющими ландшафт гаубицами.

Химические мортиры выпустили тысячи взрывающихся в воздухе специальных снарядов, насыщая атмосферу медленно распадающейся поглощающей материей, которая

спровоцировала поток алхимических реакций, отфильтровывая самые токсичные и коррозионные элементы. На геоформирующих судах распахнулись просторные ангары, и множество тяжёлых землеройных левиафанов опустились на поверхность планеты в противоударных колыбелях.

В тщательно организованном балете землеройные машины стремительно разграничили площадь посадочных полей и приступили к работе с эффективностью армии железнокожих и полосатых рабочих муравьёв. Тарентек создавал сотни посадочных площадок на мирах намного более враждебных к жизни и машинам, чем Катен Вениа, а жрецы под его началом хорошо знали своё дело.

Последние глыбы льда неохотно уступили, и началась прокладка тысяч километров кабелей для получения телеметрии, необходимой, чтобы направлять приземлявшиеся суда к отведённым им посадочным площадкам. После создания инфраструктуры и защищённой системы укреплённых трубопроводов обнажённая порода была сокрушена и выровнена сфокусированными конверсионными проекторами. Затем установили теплозащиту и десять тысяч устойчивых к атмосфере Катен Вениа техножрецов с внедрёнными точными мелтами и шлифовальными конечностями приступили к завершающему выравниванию посадочных площадок до ансгремной точности. Приспособленные к вакууму сервиторы следовали за техножрецами, вытравливая кислотой в скале имперских орлов, окружённые шестерёнками машинные черепа и закодированные последовательности чисел.

За четыре часа на поверхности планеты вырезали широкий шестикилометровый квадрат зеркально гладкой скалы. Помимо установки базовых сооружений развернули энтоптические генераторы и ноосферные комплексы связи, а также многочисленные хорошо оборудованные бункеры управления, чтобы выполнять запутанные и чрезвычайно сложные диспетчерские функции для прилетающих и улетающих десантных кораблей. Равномерно по периметру посадочных площадок возвели защитные башни, оснащённые многочисленными системами оружия, способными поражать суда на низкой орбите или атакующие наземные войска.

Для десантных кораблей не-Механикус в дополнение к обычным посадочным огням и активным электромагнитным привязям-фалам на выровненную скалу нанесли контрастные линии разметки. Спустя пять часов после начала работы сочли выполненной и магос Тарентек поставил личную печать из шарнирного производственного ангара в нижних мануфактурных районах "Сперанцы".

Едва печать Тарентека загрузилась в манифольд, как из посадочных ангаров ковчега Механикус вылетел первый корабль. Сотня вместительных шаттлов устремилась к Катен Вениа, перевозя механизмы для исследования планеты: техножрецов и чудовищные земные соборы, батальоны скитариев и военные машины, сервиторов и вооружённых преторианцев.

Среди армии железа, опускавшейся на планету, выделялись три корабля-саркофага легио Сириус, которые сопровождали молитвенные суда, выкрикивая по всем частотам хвалебные бинарные гимны и предупреждения.

"Владыка войны" "Луна Капиталина" опускался на Катен Вениа вместе с "Амароком" и

“Вилкой”.

Зимнему Солнцу принадлежала честь Первого шага, это было его право, как альфы легио. Оборотень и Железная Синь разделяли эту честь, и если кто-то из принцев “Псов войны” и испытывал какие-то мысли об отсутствии Лунной Скорби и “Канис Ульфрика”, то держал их при себе.

Воздушная армада огня и стали опустилась на планету на огромных столбах синего пламени, миллиард тонн оборудования и людей.

Адептус Механикус пришли на Катен Вениа.

Другой сайт, а по этому возможно даже другой переводчик, так что если новые названия (или что-то ещё) режут глаз, все что вам нужно сделать чтобы исправить это просто сообщить мне. Приятного чтения!

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657836>